

Трансформации феминизма как метанарратива модерна

Власова Татьяна Ивановна - заведующая кафедрой филологии и перевода Днепропетровского национального университета железнодорожного транспорта им. академика В. Лазаряна, профессор, доктор философских наук.

В статті розглядаються особливості метанарратива фемінізму в історичному контексті модерну та його дискурсивні трансформації як епіфеномену постмодерну.

Ключові слова: метанарратив, гендерні стереотипи, маскулінне, фемінінне, дискурс, феміністські політики.

В статье рассматриваются особенности метанарратива феминизма в историческом контексте модерна и его дискурсивные трансформации как эпифеномена постмодерна.

Ключевые слова: метанарратив, гендерные стереотипы, маскулинное, фемининное, дискурс, феминистские политики.

The article deals with the peculiarities of the feminist narrative in the historical context of modernism and its discursive transformations as the epiphenomenon of postmodernism.

Key words: grand narrative, gender stereotype, masculine, feminine, discourse, feminist politics.

Научные определения феминизма, охватывающие различные стороны этого сложного явления, достаточно противоречивы и сегодня несмотря на двухсотлетнюю историю феминизма и почти полувековую активную разработку этого феномена в науке. Сложность понятия объясняет, очевидно, и то, что до сих пор четко не определены его исторические рамки, время его возникновения. Распространенной точкой зрения является утверждение, что феминизм начинает свою историю с «Декларации прав человека и гражданина», провозглашенной во Франции в 1789г., Дж. Робертс уточняет – с “Декларации прав женщины и гражданина” [1, с.26]. Известная американская исследовательница Э. Бадинтер считает, что слово «феминизм» вошло во

французский язык около 1840г., и его автором является философ и экономист Шарль Фурье [2], который был среди тех, кто участвовал в формировании первой волны феминизма 1830-х годов. Однако, как пишет российская исследовательница Н.Т. Пахсарьян, тщательная проверка показала, что в тексте сочинений Ш. Фурье это слово отсутствует. Н.Т. Пахсарьян пишет далее, что на самом деле понятие «феминизм» первоначально появилось как медицинский термин в диссертации Ф.-В. Фан де Кура «О феминизме и инфантилизме у туберкулезных больных» (1871) и только позже вошло в политическую лексику конца XXв. [3, с.75]. Следует заметить, что авторитетный британский историк Дж. Робертс пишет, что к 1901 году французские слова «феминизм» и «феминистка» уже прочно вошли в английский язык [1, с.27].

Вопросы периодизации феминизма также не решаются учеными однозначно. Некоторые исследователи полагают (например, Г. Брандт), что феминизм прошел три стадии своего развития и сейчас переживает четвертую – постфеминизм. По Брандт, первая волна феминизма – конец XVIIIв., вторая – относится к XIXв., третья – возникла в середине XX столетия. «Идейные брожения» внутри третьей волны феминизма, связанные в первую очередь с постмодернистской философией, привели в конце XXв. к появлению того направления, которое получило название постфеминизм [4]. Известная американская исследовательница В. Брайсон пишет, что первые заметные проявления светского феминистского протеста в Британии возникли в XVIIв. и связаны с именами Афры Бен и Мэри Эстелл [5, с.17]. Признанный авторитет в сфере гендерных исследований С. Бем полагает, что первая феминистская волна возникла в середине XIXв. как движение за права женщин. Вторая заметная стадия феминистского движения в защиту прав женщин зародилась в 1960-х годах, разоблачив дискриминацию по признаку пола во всех областях политики и общественной деятельности [6, с. 33-34].

Возможно, в магистральном русле борьбы за права «половины человечества» эти исторические дискуссии не столь важны, вернее, важны

только для ученых, но предпринятая попытка мыслить «исторически» демонстрирует, что даже вопросы временных рамок феминизма – это открытое поле для дебатов. Разногласия существуют и в самом подходе к концепту «феминизм». Профессор Корнельского университета Сандра Бем полагает, что феминизм – это целостная теория, связанная с характером глобального угнетения женщин, это социополитическая теория и практика, это социальное движение, направленное на стратегическую конфронтацию с гендерно-классовой системой [6, с.283]. Украинские ученые пишут, что в широком смысле феминизм определяется как теория равенства полов, являющаяся основой движения женщин за эмансипацию [7, с.529]. Российская исследовательница С. Айвазова утверждает, что феминизм – это одна из форм общественной эмансипации, с чем не позволяет себе согласиться украинская исследовательница В. Погребная, полагая, что понятие «феминизм» намного шире, чем понятие «эмансипация» [8, с.10].

Смысловые границы этого понятия различны еще и потому, что феминизм неоднороден по своему составу, само явление не является застывшим, оно видоизменяется с течением времени, расширяется круг вопросов и проблем, которые входят в его поле. И все же представляется, что феминизм – это прежде всего феномен политико-правового порядка, феминизм – это, как и 100 лет назад, движение за эмансипацию женщин. Проблема постмодерного феминизма, или постфеминизма заключается в том, что он, несомненно, отошел от магистральной линии феминизма как эмансипаторского общественного движения. Тот этап в развитии феминизма, который связан с выдающимися постмодернистами Ю. Кристевой, Л. Иригарэ, М. Виттиг, Э. Сиксу, а позднее – Дж. Батлер, часто называют теоретическим феминизмом. Теоретический «постфеминизм» поднимает, как известно, целый ряд философских, литературоведческих, лингвистических, психоаналитических проблем, связанных с природой женщины, спецификой её бытия, и поэтому,

считают исследователи, современный феминизм – это форма альтернативного сознания [9].

Задавая вопрос, что же такое постмодерный феминизм, многие теоретики считают, что положение феминизма в постмодерне обусловлено искусственно сконструированными дебатами по поводу модернизма/постмодернизма и феминизма [10, с.100]. Эти дебаты служат одной цели – отделить либеральный (модернистский) феминизм от радикального (постмодернистского) феминизма. Известно, что либеральный феминизм со всеми своими достижениями и провалами уходит корнями в модерн, в Просвещение; это рационалистский проект эмансипации, вдохновленный идеалами Просвещения и французской буржуазной революции. Классической программой этого проекта до сих пор является произведение Мэри Уоллстоункрафт «Защита прав женщины» (1792). М. Уоллстоункрафт была уверена, что права мужчин, охраняемые французской «Декларацией прав человека и гражданина» и американской “Декларацией независимости”, можно расширить и распространить на женщин без масштабных изменений существующих социальных институтов. В посвящении к “Защите” Уоллстоункрафт просит Талейрана изменить новую конституцию, в которой права женщин абсолютно не были определены [11, с.24]. Выдающаяся феминистка не приняла во внимание тот факт, что современная ей общественная сфера была исторически сконструирована через исключение женщин. Как пишут исследователи, гражданин XVIII века был не родовой, а скорее гендерной категорией, последствия чего ощутимы и сейчас; многие считают, что именно поэтому “женское движение не может “завладеть” общественной сферой, длительное время формировавшейся в соответствии с интересами мужчин” [12, с.887].

Со времен Уоллстоункрафт и до сих пор феминизм стоит перед дилеммой: сосуществовать с мужчинами на либеральном пути к эгалитаризму или идти против мужчин по радикальному пути сепаратизма. Уже в XIX в. прогрессивные женщины поставили под сомнение способность либерализма

сдержать свои обещания о предоставлении равных прав мужчинам и женщинам. Исследователи феминизма выявили противоречие между женщинами как полноправными гражданами и женщинами как угнетенным полом – классом. Некоторые ученые утверждали, что это противоречие является движущей силой либерального феминизма и что оно способно радикализировать женское движение. Как пишет З.Айзенштайн, “либеральный феминизм – это не просто феминизм, добавленный к либерализму. Скорее, речь идет о реальном различии между либерализмом и либеральным феминизмом в том, что феминизм требует признания половой и классовой идентификации женщин “в качестве женщин” [12, с.888]. Безусловно, это трудная задача, когда различие и равенство сводятся к дихотомии, когда они образуют “структуру без выбора”, пишут ученые. Именно для того, чтобы избежать представления о мужественности и женственности как неизменных сущностях, феминистки задали вопрос: “Как были созданы различия в специфическом социальном, историческом и дискурсивном контексте?” [12, с.905]. Ответ известен: исследователи убедительно доказали, что то, что в обществе принимается за отличие женщин от мужчин, на самом деле является различием, созданным вследствие экономического, социального и политического подчинения женщин мужчинам. Так называемое «равенство полов», по мнению исследователей гендера, является оксюмороном: быть выделенной по половому признаку означает быть женщиной, а быть женщиной означает быть неравной, и до тех пор, пока различие полов не ставится под вопрос, социальное равенство женщин остается невозможным.

Иной путь феминизма был определен как “радикальный феминизм”. Охватывая разнообразное смешение теорий и не составляя последовательное социально-политическое течение, он включает и идеи женских коммун, и радикальные представления Андреа Дворкин о мужчинах как насильниках по своей сути [13]. Но и первый, и второй путь не представляли собой оппозицию «модернистский/постмодернистский» проект, оба принадлежали модерну.

Постмодернизм в феминизме возник с деконструкционистским понятием субъекта, помещенным «над» установленными категориями гендера.

Ю. Кристева утверждает: “Женщина как таковая не существует. Она находится в процессе становления”. Именно поэтому для Кристевой говорить “как женщина” во многих случаях было бы бессмысленным. Вместо исключительной эмфазы на гендере говорящего она рекомендует анализ многих дискурсов, включая сексуальность и гендер, которые все, по Кристевой, и конструируют индивидуум [14]. Кристева полагает, что феминистская борьба должна рассматриваться исторически и политически как трехфазовая, и схематично представляет это следующим образом: 1) женщины требуют равного доступа к символическому порядку: либеральный феминизм, равенство; 2) женщины отвергают мужской символический порядок во имя различий: превозношение фемининности, радикальный феминизм; 3) женщины отвергают дихотомию маскулинное/фемининное как метафизический концепт [15]. Но совершенно очевидно, что в таком случае идеи третьей позиции отвергают феминизм как таковой. В то же время очевидно, что женщины по-прежнему подвержены патриархатному угнетению, и для феминизма по-прежнему важно защищать “женщин как женщин”. В то же время ученые, представляющие академические традиции западного мира, продолжают предсказывать смерть феминизму. На фоне этих пессимистических прогнозов нужно заметить, что многие исследователи гендера решительно требуют нового феминистского подхода к решению политических, общественных и технологических вызовов постмодерной действительности.

Эгалитарная коммунистическая идеология, доминировавшая в СССР на протяжении большей части XX века, парадоксальным образом сочеталась с жесткими патриархатными традициями, которые наполнились новыми гендерными отношениями, пришедшими в Россию и Украину вместе со становлением рыночных отношений. Гендерная асимметрия, вызванная в новых условиях всем комплексом условий жизни женщин как в семье, так и в

сфере занятости, сопровождалась (и сопровождается) массой негативных последствий и социальных вызовов. В то же время достигнутое в тоталитарную эпоху “равенство” женщин и мужчин в общественной сфере, а также определенная экономическая независимость женщин – это те исторические вехи, которые уже невозможно просто игнорировать. Вместе с тем нельзя не сказать о некоем «ренессансе» патриархатности, усиливающем гендерную асимметрию в современном обществе. Общественное мнение получает определенную подпитку старых, как мир, стереотипных представлений о том, что фундаментальной основой жизненной стратегии женщины является семейная жизнь с мужем, т.е. порядочная женщина должна выйти замуж, родить детей и посвятить свою жизнь семье в русле не только традиционных гендерных стереотипов, но и традиционного христианского учения о браке и семье. В то же время реальная ситуация по-прежнему демонстрирует дискриминационные практики на рынке труда (несмотря на более высокое профессиональное образование женщин), дискриминацию в оплате труда (что неразрывно связано с уровнем пенсий) и другие проявления дискриминации женщин по широкому кругу направлений. Последнее особенно очевидно, если сферу экономики дополнить данными об аналогичных процессах в политической сфере.

Как отмечают ученые, проблема состоит не только в глубокой гендерной асимметрии, отсутствии равенства и возможности реализовать свои права. Важным остается и другой вопрос: какое общество мы создаем – социально-демократическое или архи-либеральное? [16, с.15]. Если абсолютно рыночное, то женщины сами должны выживать и находить для этого пути. Следовательно, чрезвычайно важной остается борьба с дискриминацией и сегрегацией по признаку пола, т. е. феминизм, как и 100 лет назад, должен идти по пути либеральных реформ в русле эмансипации женщин.

С другой стороны, и теоретики, и практики осознают, что в новых условиях глобализации и постмодернистского плюрализма серьезную проблему

представляет трансформация общего направления как феминистских теоретических изысканий, так и практической деятельности. Ученые утверждают, что политические, социальные и технологические потрясения эпохи «позднего капитализма» решительно требуют нового феминистского анализа. С одной стороны, и феминизм, и гендерная наука единодушны в том, что хотя экономическое и социальное угнетение лишает женщин свободы, нет причин для выводов о невозможности борьбы женщин за гендерное равенство. С другой стороны, феминистки не согласны с некоторыми теоретиками гендера (например, Э. Сиксу) в том, что угнетение женщин настолько завершено, что женщины никогда не смогут освободиться от “сексистской слепоты” [17, с.45]. Теоретики гендера уверены: нам нужно отречься от утверждений о биологической основе социальных норм и помнить о том, что гендерные стереотипы не только отражают устойчивые образы и представления, но и программируют соответствующее поведение. Основной гендерный стереотип, как известно, очень прост и базируется на первородстве мужчины и «естественном» предназначении женщины, именно это тот эссенциализм, который необходимо анализировать всегда и везде.

Феминистки хотят строить свою теорию в пространстве повседневной жизни, там, где, действительно, идет идеологическая и экономическая борьба и принимаются политические решения. В то же время именно идеология делает сегодняшний феминизм столь уязвимым при всей важности и значении идеологии для феминизма в целом. В этом ключе следует заметить, что успех гендерных исследований в какой-то мере обусловлен значительно меньшим давлением идеологии в них. Для многих уже очевидно, что нельзя разрабатывать теорию, вычленяющую женщин из всех общественных отношений, но здесь существует возможность и другой крайности, представленной второй моделью феминизма: “празднование” отличий может оправдать отказ от самой идеи согласованной феминистской позиции как

«общего дела». Доведенная до крайности, эта позиция может лишить феминизм всякого смысла [18, с. 184-185].

Проблема усложняется спецификой общей “постмодерной ситуации”. Ф. Джеймсон пишет, что момент постмодерна можно охарактеризовать как такой, в котором традиционные авангардные и коллективные действия невозможны, существующие же “формы возмещения” действуют, отрицая то, что может показаться коллективным движением старого типа или выдающим себя за такое движение, или его симулятором [18, с. 184-185]. Однако важно и то, продолжает знаменитый теоретик, что “-измы”, относящиеся к подобным коллективным движениям, вовлекают весьма потрепанные стереотипы и весьма туманное обобщающее мышление.

Исследователи замечают, что вопрос о том, существует ли некая общность всех женщин или состояние угнетения – единственное, что связывает женщин, вынуждает феминистов (и теоретиков, и практиков) выбирать между эссенциалистским и универсалистским подходами к пониманию и использованию категории «женщины» [19, с.104]. В современных феминистских теориях женщины как категория представляют собой «поле различий», в результате чего у исследователей возникает впечатление, что «феминизмы», разлагая категорию субъекта, лишают женщин фундамента для коллективных действий. Как пишет Н. Кукаренко, поскольку не может быть единого тотального Субъекта, не может быть и универсальной стратегии борьбы с подавлением. Последнее заставляет современных феминисток пользоваться термином «стратегический эссенциализм» [19, с. 105]. По мнению Н.Кукаренко, стратегический эссенциализм (то, что Гайатри Спивак называет «оперативным эссенциализмом») делает субъект «женщины» более адекватным по отношению к целям женского движения. И хотя российская исследовательница полагает, что он ни в коей мере не является компромиссом между классической метафизикой универсального субъекта и постмодернизмом, позволим себе не согласиться с подобным утверждением.

Фундаментальный вопрос, который по-прежнему остается без ответа, звучит очень просто: «Что хотят женщины? Универсальности? Гомогенности? Эгалитарных браков? Разграничения или ассимиляции? Если же женщины находятся на «периферии», тогда на основании чего строить определение их маргинальной идентичности? Если же женщины «Другие», но не маргинальны и занимают свое место в «центре», то что дает им основание занимать это одинаково равное, но не гомогенное место с мужчинами? Если различия «выпустить на волю», то как гарантировать их свободное функционирование? Если политический механизм гомогенен, то можно ли вообще позволить «Другому» управление?» Вновь возникает проблема равенства и различия, проблема «равенства для различных», поскольку в социальной демократии равенство, как известно, предполагает только некоторую долю различий. Ученые считают, что задача современной науки, в целом, задача общества в том, чтобы выделить универсальные, гендерно нейтральные нормы справедливости, сформулировать их и действовать согласно этим нормам. С другой стороны, отстаивая идею различия, многие исследователи акцентируют внимание на том, что женщины не только отличаются от мужчин, они различаются и между собой. И до тех пор, пока не будет учитываться многообразие женских интересов и их «голосов», представительницы доминирующих групп будут пренебрегать другими женщинами или просто не замечать их так же, как и ими самими всегда пренебрегали политики и философы - мужчины [20].

В области феминистских политик понятие «женщины» оказывается столь противоречивым во многом потому, что в различных контекстах пол не всегда согласованно конституируется, с одной стороны, а, с другой, - потому что пол, как известно, пересекается с расовыми, классовыми, этническими, сексуальными и прочими модальностями дискурсивно конституированных идентичностей. Результат известен: феминизм, цель которого – борьба за равноправие женщин, парадоксальным образом стоит в стороне от огромного

сообщества этих самых «женщин», более того – зачастую не поддерживается ими. Как представляется, следует все же дать утвердительный ответ на вопрос, являются ли различия между женщинами и их потенциальная разобщенность серьезную угрозу эффективной политической деятельности и единой теории. Безусловно, если женщины смогут бороться за равенство и гендерную справедливость, сохраняя свои многие наши, то это может сыграть ключевую роль в изменении гендерных стереотипов и стандартов, более того, в изменении гендерного порядка современного общества. Только принципы согласия, на которые должна опираться феминистская теория, смогут стать реальной площадкой для создания общества гендерной справедливости.

Использованная литература

1. Roberts J.M. Twentieth Century / J.M. Roberts. – London: Allen Lane, The Penguin Press, 1999. – 905p.
2. Бадинтер Э. Феминизм / 50х50. Опыт словаря нового мышления./ Элен Бадинтер. – М.: Прогресс Пайо, 1989. – С.522 - 525.
3. Пахсарьян Н.Т. «Второй пол» Симоны де Бовуар и судьбы феминизма в современной французской литературе / Наталья Пахсарьян // Гендерная проблематика в современной литературе. – М.: РАН, ИНИОН, 2010. - 216с.
4. Брандт Г. Философская антропология феминизма. Природа женщины / Галина Брандт. – СПб.: Алетейя, 2006. - 160с.
5. Брайсон В. Политическая теория феминизма. Введение / Валери Брайсон. – М.: Идея-Пресс, 2001. – 304с.
6. Бем С. Линзы гендера. Трансформация взглядов на проблему неравенства полов / Сандра Липсиц Бем. – М.: РОССПЭН, 2004. – 331с.
7. Основи теорії гендеру: навчальний посібник. – К.: «К.І.С.», 2004. – 536с.
8. Погребная В.П. Проблемы эмансипации женской личности в русской критике и романах Н.Д. Хвощинской (60-80-е годы XIX столетия) / Виктория Погребная. – Запорожье: ЗГУ, 2003 – 242с.
9. Юлина П.С. Проблемы женщин: философские аспекты (Феминистская мысль в США) // Вопросы философии. – 1988. – №5. – С.137-147.

10. Appignanesi R., Garratt C., *Introducing Postmodernism* / Richard Appignanesi, Chris Garratt. – Cambridge: Icon Book Ltd, 2007. – 189p.
11. Уоллстоункрафт М. В защиту прав женщин // *Феминизм: проза, мемуары, письма*. – М.: Прогресс, 1992. – С.24 – 38.
12. Кэрролл С.Дж, Зерилли Л.М. *Феминистские вызовы политической науке // Гендерная реконструкция политических систем*. – СПб.: Алетейя, 2004. – С.877 – 919.
13. Dworkin A. *Intercourse* / Andrea Dworkin. – N.Y.: Basic Books, 2006. – 352p.
14. Kristeva J. *The system and the speaking subject // The Tell-Tale Sign. A survey of Semiotics*. – Netherlands: The Peter de Ridder Press, 1975. – p.47 – 55.
15. Kristeva J. *Women's time* / Julia Kristeva // *Signs*. - №7. – 1981. – p.13 – 35.
16. *Гендерные стереотипы в меняющемся обществе: опыт комплексного социального исследования*. – М.: Наука, 2009. – 273с.
17. Власова Т.И., Скиба Э.К. *Гендер и феминистская теория в философии постмодерна: монография* / Татьяна Власова, Элеонора Скиба. – Дн-вск: Изд-во Маковецкий, 2011. – 124с.
18. Jameson F. *Postmodernism or, The Cultural Logic of Late Capitalism* / Fredric Jameson. – London, New York: Verso, 2009. – 438p.
19. Кукаренко Н.Н. *Гендерное неравенство и субъект феминистских политик // Новые направления политической науки*. – М.: РОССПЭН, 2007. – С. 100-106.
20. Савицки Л. *Фуко и феминизм: к политике «различия» // Феминистская критика и ревизия истории политической философии*. – М.: РОССПЭН, 2005. – с.297-315.